
ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

THE LAW ENFORCEMENT IN INTERNATIONAL LAW

УДК 341

DOI 10.52468/2542-1514.2026.10(2).147-156

ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ ГОСУДАРСТВА: В ГРАНИЦАХ ПРАВА И ЗА ЕГО ПРЕДЕЛАМИ

С.В. Бахин, Д.В. Давыдов

Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

15 августа 2025 г.

Дата принятия в печать –

20 марта 2026 г.

Дата онлайн-размещения –

20 июня 2026 г.

Ключевые слова

Экстерриториальность,
юрисдикция, экономические
санкции, блокирующие статуты,
дело «Лотуса», Комиссия
международного права ООН

Право государства законодательствовать, реализовывать право и контролировать его исполнение осуществляется в рамках его границ. Но на практике возникало немало изъятий из этого правила, т. е. попыток осуществить свою юрисдикцию экстерриториально. В XX и XXI вв. «правовая экспансия» стала приобретать широкий размах (анти-монопольное, банковское, валютное, экспортное регулирование, ценные бумаги, борьба с коррупцией, экономические санкции и т. д.). Различные виды трансграничного действия национального права фактически никогда не анализировались в совокупности. Лишь в 2006 г. в рамках ООН был подготовлен документ, который должен был стать основой для международно-правового регулирования. За истекшие 20 лет к его обсуждению ООН не вернулась. Полагая, что вопросы экстерриториальности нуждаются в адекватной регламентации, авторы подготовили инициативный Проект статей, который и предлагают для широкого обсуждения.

EXTRATERRITORIAL JURISDICTION OF THE STATE: WITHIN AND BEYOND THE BOUNDARIES OF LAW

Sergey V. Bakhin, Dmitry V. Davydov

State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia

Article info

Received –

2025 August 15

Accepted –

2026 March 20

Available online –

2026 June 20

Keywords

Extraterritoriality, jurisdiction,
economic sanctions, blocking
statutes, Lotus case, UN
International Law Commission

The subject. Neither the public order and mandatory rules nor the basic principles of international law provide protection against attempts of transnational legal supremacy. The further progressive development of international law in this area is required.

The aim. The authors consider extraterritoriality as a fundamental legal and political issue that requires the special complex regulation.

The methods of historical and comparative legal analysis made it possible to identify various manifestation of extraterritoriality and to define basic principles of the regulation hereof. The comprehensive analysis of existing and required regulations is based on a comprehensive stocktaking of the current international law.

Main results. A State exercises its right to legislate, enforce and supervise the implementation of laws within its borders. Numerous exceptions to this rule, namely attempts to exercise jurisdiction extraterritorially, have arisen. "Legal expansion" began to acquire widespread scope in the 20th and 21st centuries regarding antitrust, banking, currency legislation, export regulations, anti-corruption laws, economic "sanctions" etc.). The various types of the extraterritorial application of national law have never been analyzed in their entirety. A document intended to serve as the basis for international regulation was prepared within the UN in 2006. The UN has not returned to its discussion over the past 20 years. However, legal expansion and measures to block it may render impossible the international economic exchange. The authors substantiate that a detailed legal regulation of the extraterritoriality is necessary. The main question is whether a state or the international law shall establish the spatial limits of national law.

Conclusion. Draft articles as a special international legal act shall be adopted, and the authors have prepared a sample of such an act suggesting it for broad discussion.

1. Введение

Вопрос о границах действия национального права всегда был одним из самых сложных в юриспруденции. Вопреки кардинальному постулату о том, что право имеет юридическую силу только в пределах государственной территории, государства всегда стремились распространить действие своих правовых установлений и судебных решений за пределы зоны собственной юрисдикции. В XX и начале XXI в. в рамках глобальной конкуренции попытки юридического доминирования стали приобретать беспрецедентный характер.

Длительное время в правовой доктрине шел поиск выхода из заколдованного круга: должны ли границы сферы действия национального права определяться в нем самом или же такие границы обязано установить международное право. Считалось, что законодательствовать – суверенное право государства, и международное право не должно вмешиваться в эту область, поскольку она относится к внутренней компетенции государства. Вместе с тем становилось очевидно, что, расширяя свою юрисдикцию, государства посягают на права других государств. Однако, не имея никаких внешних ограничителей, государства сперва с осторожностью, а затем, почувствовав отсутствие адекватной реакции, стали всё чаще расширять пределы своей юрисдикционной активности.

В научном и практическом плане сложность возникла в связи с отсутствием единого термина, который объединил бы различные случаи осуществления суверенных правовых полномочий государства за пределами его территории. Постепенно в качестве такого обобщающего понятия утвердился термин «юрисдикция».

Между тем к этому времени термин «юрисдикция» уже получил весьма широкое распространение в текстах международных договоров, в частности в сфере морского и воздушного транспорта, правовой помощи и т. д. Проблема, однако, заключалась в том, что данному термину придавался при этом не всегда совпадающий смысл. В связи с этим международно-правовая кодификация общих вопросов юрисдикции превратилась в весьма трудную задачу, так как преодолеть смысловую разногласию в текстах международных договоров едва ли возможно.

Попытка изменить ситуацию была предпринята Комиссией международного права (далее – КМП) ООН. В 1991 г. в программу работы КМП ООН был включен пункт «Экстерриториальное применение национального законодательства». Однако лишь в 2006 г. появился некий промежуточный документ, озаглавленный «Экстерриториальная юрисдикция»¹. По форме и содержанию он близок к обычно разрабатываемым КМП ООН в таких случаях проектам статей, на основе которых впоследствии может быть принят международный договор. Но за 20 лет, истекших с 2006 г., КМП ООН так и не вернулась к его открытому обсуждению.

Полагаем, что опубликованный текст показался его составителям недостаточно проработанным и, более того, весьма спорным. Между тем ситуация с расширением государствами собственной законодательной и судебной юрисдикции сейчас только усугубляется. В этих условиях правомерно предложить на рассмотрение КМП ООН представленный в приложении доработанный и уточненный вариант Проекта статей об экстерриториальной юрисдикции, подготовленный авторами настоящей статьи.

При проведении исследования использовались общенаучные (анализ и синтез, индукция, дедукция, аналогия, абстрагирование), формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

2. Границы действия национального права и экстерриториальность

Издавна перед юристами стоял вопрос о том, могут ли национальные законы иметь юридическую силу за пределами территории издавшего их государства. Не соответствуют действительности утверждения некоторых специалистов о том, что проблема экстерриториальности появилась сравнительно недавно или даже «несколько десятилетий назад» [1, с. 246]. На самом деле она является ровесницей международного права. Известный юрист-международник, профессор Ч. Кальво указывал, что зачатки некоторых институтов (в частности, экстерриториальности) появились уже в период возникновения международного права [2, р. 3].

Правда, осмысление экстерриториальности как обособленного правового явления в указанный период было осложнено многообразием и разнохарактерностью ее проявлений, а также отсутствием скоординированной терминологии. Речь могла идти

¹ Доклад Комиссии международного права ООН: Пятьдесят восьмая сесс.: Офиц. отчет Генер. Ассамблеи: Шестидесят первая сесс.: Дополнение № 10 (A/61/10). Нью-Йорк:

Орг. Объед. Наций, 2006. С. 536–558. URL: <https://docs.un.org/ru/a/61/10>.

об «экстерриториальном действии закона», «экстерриториальности» лиц, объектов и пространств, «привилегии экстерриториальности», «фикции внеземельности» и т. д. Как полагал профессор В.П. Даневский, системное рассмотрение экстерриториальности началось с выдвижения Гуго Гроцием «фикции экстерриториальности». Согласно указанной концепции иностранные послы должны быть освобождены от юрисдикции принимающего государства, когда находятся на его территории [3, с. 243]. Впоследствии стало очевидно, что подобные изъятия применимы не только в отношении послов, но и иных лиц (например, консулов и находящихся под их покровительством иностранных лиц, иностранных торговцев, персонала иностранных военных баз и т. д.). При этом сам В.П. Даневский расценивал государственную территорию как предел осуществления государством своей власти.

Вместе с тем экстерриториальность в публичном и частном праве долгое время рассматривалась обособленно в качестве не связанных между собой явлений. С одной стороны, экстерриториальность была предметом анализа в сфере международного частного права при решении вопроса о выборе регулирующего правопорядка применительно к трансграничным отношениям. Попытки разрешить противоречие между персональным и территориальным критериями, которым может быть подчинено правоотношение, длительное время осуществлялись в рамках так называемой «теории статутов». При этом возникала дилемма: действует ли тот или иной статут в пределах территории принявшего его государства или же возможно его трансграничное действие. В соответствии с этим международное частное право нередко трактовалось как учение о пространственном действии гражданского права или о внеземельном действии законов [4, с. 467–468].

С другой стороны, вопросы экстерриториальности были предметом рассмотрения в международном публичном праве. Здесь существовало два направления. В рамках первого анализировалась возможность действия права одного государства на территории другого в пределах территориально обособленных единиц (посольство, консульство, торговый город, свободный порт, военная база и т. д.). В рамках второго направления изучался статус лиц и объектов, изъятых из-под действия национального права иностранного государства (главы государств и правительств, послы, консулы, военные корабли и т. д.). Первоначально в этих сферах вместо

термина «экстерриториальность» подчас использовался термин «внеземельность».

Никакой координации в исследовании экстерриториальности длительное время не существовало – всякая ее эманация считалась явлением обособленным. Более того, когда встал вопрос о признании за рубежом актов о национализации, принятых в советской России после 1917 г., он рассматривался вне связи с предшествующими изысканиями об экстерриториальности [5], причем некоторыми учеными экстерриториальность трактовалась в качестве одного из фундаментальных вопросов международного права [6].

Еще шире вопрос о границах действия национального права встал на рубеже XX и XXI вв. В рамках глобальной конкуренции государства стремятся распространить действие своего правопорядка за пределы национальных границ. Это касается антимонопольного, банковского, валютного, налогового права, торгово-экономических рестрикций, ограничительных мер при экспортном регулировании, положений о ценных бумагах, биржах, борьбе с коррупцией и т. д. [7].

Распространение действия своего права и юрисдикции за пределы государственных границ осуществляется рядом стран столь напористо, что немецкий ученый профессор Ю. Базедов называет использование экстерриториальности и связанных с ней торговых эмбарго и блокирующих статутов «экономическим оружием» [8, с. 263]. Борьбу за экономическое доминирование с использованием правовых инструментов профессор С.В. Бахин рассматривает как элемент глобальной конкуренции [9]. Более того, ныне в этом плане речь идет о правовой (юридической) войне (в литературе в данном случае используются термины *lawfare* и *legal war*) [10].

Особым инструментом политико-экономического доминирования выступают так называемые экономические санкции. В классическом международном праве санкциями именовались принудительные меры, принимаемые Советом Безопасности ООН. Впоследствии это понятие было неоправданно расширено и санкциями стали именовать односторонние экономические рестрикции, вводимые отдельными государствами или их объединениями на основе произвольно установленных критериев и вне связи с нормами действующего международного права. Указанные «санкции» представляют собой ни что иное, как принудительное навязывание односторонне принятых экстерриториальных ограничений [11].

3. Экстерриториальность и ответные меры

Попытки государств расширить сферу действия своего права вызвали волну противодействия со стороны тех стран, интересы которых затрагиваются стремлением доминировать в правовой и экономической сферах. При этом используются как уже существующие, так и специально выработанные политико-правовые меры защиты государствами своих интересов.

К числу специальных мер, направленных на минимизацию отрицательных последствий расширения государствами своей юрисдикции, относятся так называемые «блокирующие» статуты. Это наименование точно соответствует назначению данного правового механизма – препятствовать неблагоприятным последствиям иностранной правовой экспансии. Для этого принимаются особые нормативные акты, цель которых – установить запрет на применение иностранных экстерриториальных актов и основанных на них судебных решений. Первоначально «блокирующие» меры были приняты отдельными странами Европы в ответ на санкции США против советского газопровода «Уренгой – Помары – Ужгород». Впоследствии страны Европы, во-первых, стали координировать свои усилия в рамках Европейского экономического сообщества, и появились «блокирующие» акты объединения в целом, а во-вторых, расширили сферу «блокирующего» законодательства (помимо СССР, были заблокированы санкции против Кубы, Ирана, Сирии и т. д.).

В качестве примера «блокирующего» законодательства можно сослаться на Регламент Совета (ЕС) № 2271/96 от 22 ноября 1996 г. «О защите от последствий экстерриториального применения законодательства, принятого в третьей стране, и действий, основанных на таком законодательстве или вытекающих из него». В нем установлено: «Настоящий Регламент обеспечивает защиту от экстерриториального применения законов... в том числе нормативных актов и других законодательных документов, а также действий, основанных на этих законах или вытекающих из них, и противодействует их последствиям, если такое применение затрагивает интересы лиц... занимающихся международной торговлей...»²

Специалисты разошлись в оценке правовой природы и назначения блокирующих статутов. Одни полагают, что их основная цель – оказание давления

на правительство иностранного государства, чьи действия встречают неодобрение блокирующего государства [8, с. 263]. Другие полагают, что блокирующее законодательство с точки зрения международного права может трактоваться в качестве легальной контрмеры [12, с. 21]. Однако весьма велика вероятность бесконечного движения по замкнутому кругу, когда на введение санкций в ответ будут разрабатываться противодействующие им «блокирующие» статуты. Подобное противостояние, которому правомерно дать наименование «войны законов», в итоге может сделать международный экономический обмен в принципе невозможным.

4. О понятии «экстерриториальная юрисдикция»

Объединить отдельные проявления экстерриториальности и рассматривать их в качестве общей правовой конструкции было довольно сложно, поскольку они анализировались изолированно в отношении различных категорий лиц, объектов и территориальных единиц. Так, к физическим лицам, помимо монархов и дипломатов, немецкий профессор Ф. Штёрк предлагал относить контингент иностранных войск, а также вообще агентов иностранного правительства при исполнении ими своих обязанностей (например, таможенников). Но Ф. Штёрк шел дальше, рассматривая как особое явление в данной области изъятие из-под иностранной юрисдикции подвижного состава железных дорог [13, S. 592–671].

Если абстрагироваться от частных случаев, то центральной проблемой экстерриториальности был конфликт между личным и территориальным началами действия закона, когда его применимость рассматривалась в отношении иностранных лиц и анклавов на иностранной территории. Но найти унифицированный вариант соотношения личного и территориального правопорядков применительно к различным случаям было сложно. Подчас даже изобретались весьма парадоксальные правовые конструкции вроде фикции непребывания индивида на данной территории. Указывая на недопустимость такого подхода и необходимость главенства личного начала, немецкий профессор Ф. Хольцендорф пытался классифицировать различные типы территории с точки зрения возможности распространения на них действия национального правопорядка [14, S. 225].

² Council Regulation (EC) No 2271/96 of 22 November 1996 protecting against the effects of the extra-territorial application of legislation adopted by a third country, and actions

based thereon or resulting therefrom // Official Journal of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A01996R2271-20180807>.

В противовес этому Ф. Штёрк рассматривал экстерриториальность как самостоятельный институт международного права, не сводимый к территориальному размежеванию. Он предлагал разграничивать «нормальное» (т. е. обычное) положение личности, когда она существует в рамках действующего в государстве правопорядка, и «ненормальное» (т. е. экстраординарное), при котором для индивида вводятся изъятия из общего правового режима или вообще особый правовой статус. По его мнению, специфика правового положения экстерриториальных лиц заключается не в освобождении их от подчинения местному правопорядку, а только в отсутствии у местной власти возможности принуждать их к выполнению требований этого правопорядка [13].

Таким образом, постепенно встал вопрос не только о действии положений национального правопорядка за пределами границ государства, но и о возможности реально привести их в действие, т. е. о возможности исполнить судебно-юрисдикционные веления государства вне пределов своей территории. Соответственно термин «юрисдикция» стал интерпретироваться в двояком смысле: как право государства подчинить своему праву отношения, складывающиеся вне его границ, и как правомочие приводить эти нормативные положения в действие.

В России объединить термином «юрисдикция» законодательную и правореализационную деятельность было предложено еще в 1865 г. Н.П. Ивановым. Поясняя использование данного термина в книге «Основания частной международной юрисдикции», он писал: «При этом, говоря о юрисдикции... я буду иметь в виду лишь материальную юрисдикцию, т. е. те юридические начала, на основании которых судья постановляет свой приговор, в отличие от формальной юрисдикции, к которой относится сам порядок судопроизводства» [15, с. 63]. Однако не все специалисты были согласны со столь широкой трактовкой юрисдикции. Так, профессор Ю.Г. Барсегов полагал, что термин «юрисдикция» должен использоваться лишь в отношении правомочия государства осуществлять судебно-исполнительную деятельность [16, с. 250].

Между тем, если обратиться к текстам действующих международных договоров, то можно обнаружить, что в них термин «юрисдикция» широко используется для обозначения различных полномочий государства в правовой сфере. При этом речь идет не

только о праве законодательствовать, но также осуществлять правоприменительную деятельность (судебная юрисдикция) и контролировать соблюдение своего законодательства (исполнительная юрисдикция). Именно такое понимание термина «юрисдикция» было положено в основу документа, подготовленного КМП ООН.

5. Экстерриториальная юрисдикция и международное право

Принципиальным в отношении экстерриториальности является вопрос о том, как она может быть урегулирована, т. е. устанавливает ли границы действия своего права само государство или это прерогатива международного права. Этот вопрос стал предметом специального рассмотрения в известном «деле „Лотуса“». 2 августа 1926 г. французское судно *Lotus* столкнулось с турецким судном *Bozkurt*, восемь граждан Турции погибли, а *Bozkurt* был поврежден. Турция привлекла капитана «Лотуса» к ответственности за гибель людей и ущерб от аварии.

Спор рассматривался Постоянной палатой международного правосудия. Франция обвиняла Турцию в незаконном аресте капитана и утверждала, что лишь она обладает исключительной юрисдикцией как государство флага судна. Суд не поддержал позицию Франции и указал в своем решении: «Суверенные государства, как они пожелают, могут действовать любым способом, если это не противоречит прямому запрету, установленному в международном праве»³. Это решение оказало значительное влияние на международное право, и «принцип „Лотуса“» послужил отправной точкой при разрешении многих вопросов, в том числе касающихся юрисдикции.

Однако в рамках кодификации морского права «принцип „Лотуса“» не нашел полного подтверждения. В ст. 92 Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г. было установлено: «Судно должно плавать под флагом только одного государства и, кроме исключительных случаев, прямо предусматриваемых в международных договорах или в настоящей Конвенции, подчиняется его исключительной юрисдикции в открытом море»⁴. Иными словами, было установлено, что возможны отступления от исключительной юрисдикции государства флага, оговоренные в международных договорах.

Между тем вывести из этих актов случаи, когда допустимы изъятия, довольно сложно. Во-первых, существует значительное количество договоров, в

³ The Case of the S.S. „Lotus” (France v. Turkey) // P.C.I.J. Reports. 1927. Series A. No. 10. P. 19.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 48. Ст. 5493.

которых урегулированы те или иные аспекты юрисдикции государства. Положения этих соглашений мало соотнесены между собой. Во-вторых, в этих договорах речь может идти о юрисдикции в конкретных областях, и неясно, как она соотносится с понятием «исключительная юрисдикция». В-третьих, в международных договорах чаще всего речь идет об отдельных видах юрисдикции (территориальной, персональной, объектной, отраслевой и т. д.). Всё это не создает полной и непротиворечивой регламентации вопросов юрисдикции государства.

Вопросы экстерриториальности попали в сферу деятельности КМП ООН с момента ее создания. Поэтому включение в 1991 г. в программу работы КМП ООН пункта «Экстерриториальное применение национального законодательства» представляло собой продолжение начатой ранее работы. Предшествующее обращение к кодификации вопросов юрисдикции заставило КМП ООН действовать с известной долей осторожности. Не случайно предварительный документ КМП ООН не был включен в Отчет о ее работе, а представлен лишь как дополнение к нему. За истекшие 20 лет КМП ООН так и не вернулась к этому документу.

Главная проблема, связанная с нормированием экстерриториальной юрисдикции, состоит в том, может ли этот вопрос быть урегулирован в международном праве. Юрисдикция как неотъемлемая составная часть суверенитета государств рассматривается ими как предмет исключительного регулирования нормами национального права.

Специалисты разошлись во мнениях относительно того, сколь далеко может заходить международное право в регламентации юрисдикции. Так, профессор И.А. Лукашук в 1992 г. указывал, что международное право регулирует экстерриториальную юрисдикцию [17, с. 154], а в 2005 г. писал уже с большей осторожностью: «проблема экстратерриториального действия внутреннего права явно нуждается в основательном международно-правовом регулировании» [18, с. 254].

Профессор М.М. Богуславский полагал, что экстерриториальное применение картельного, валютного, внешнеэкономического законодательства одной страны нарушает право других стран, и что при этом возникает вопрос о нарушении принципов государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела других государств [19, с. 14–15]. Однако вправе ли мы считать, что основные принципы международного права могут выступать эффективным регулятором вопросов экстерриториаль-

ности? К сожалению, в силу своего абстрактного характера они мало пригодны к тому, чтобы содействовать разрешению возникающих на практике разногласий между государствами.

6. Выводы

К настоящему времени стало вполне очевидно, что проблема экстерриториального действия национального законодательства нуждается в специальном международно-правовом регулировании. Речь при этом идет не о кодификации существующих правовых норм (их фактически нет), а о прогрессивном развитии международного права. Вполне очевидно, что основой при этом должен стать документ КМП ООН 2006 г. Однако за истекшие со дня его создания 20 лет стали очевидны те коррективы, уточнения и дополнения, в которых нуждается правовая регламентация вопросов экстерриториальности. Авторы настоящей статьи на основе проведенных ими исследований подготовили кардинально обновленный и исправленный текст в виде Проекта статей КМП ООН, который и выносят на обсуждение своих коллег.

7. Приложение

Проект статей об экстерриториальной юрисдикции

Комиссия международного права,

принимая во внимание, что в условиях глобализации осуществление юрисдикции государствами в отношении лиц, имущества или действий за пределами своей территории получает всё более широкое распространение;

осознавая, что глобализация мировой экономики, углубление интеграции по широкому кругу вопросов, ускоренное внедрение трансграничных технологий и особенно искусственного интеллекта ограничивают возможности государств по защите своих национальных интересов при помощи традиционных принципов и сложившихся механизмов разграничения юрисдикции;

учитывая постоянно расширяющуюся транспатрентность государственных границ, увеличение социальной, предпринимательской, профессиональной и иных видов мобильности, а также миграции населения, размах инноваций в сфере транспорта, связи и интеллектуальной собственности, а кроме того, рост масштабов транснациональной преступности и нелегальной миграции; всё более активное трансграничное использование новейших коммуникационных технологий;

полагая, что существует настоятельная необходимость кодификации правового регулирования осуществления экстерриториальной юрисдикции для формирования унифицированного правового режима в этой сфере;

признавая, что устранение разногласий и неопределённости в отношении отдельных аспектов права, регулирующего экстерриториальную юрисдикцию, требует прогрессивного развития права;

осознавая, что вопросы экстерриториальной юрисдикции представляют собой уникальное правовое явление, поскольку могут регулироваться и фактически регулируются нормами международного, интеграционного и национального права, а следовательно, это требует межправовой координации;

принимая во внимание, что вопросы осуществления экстерриториальной юрисдикции входят в долгосрочную программу работы Комиссии международного права Организации Объединённых Наций начиная с её 43-й сессии (1991), и в разработке данной темы Комиссии удалось сформировать некоторые принципиальные подходы;

принимает настоящий Проект статей:

1. Юрисдикция, как она интерпретируется в нормах международного и национального права, распространяется на лиц, имущество и действия, и предполагает осуществление власти, суверенных прав или полномочий государством. Юрисдикция государства включает: законодательную, судебную и исполнительную юрисдикцию. Законодательная юрисдикция предполагает право государства формировать собственную правовую систему, т. е. устанавливать нормы поведения, регулирующие поведение лиц, отношения между лицами, действия или правовой статус. Судебная юрисдикция предполагает полномочия государства определять, в соответствии с его правовой системой, права сторон в каком-либо конкретном случае. Исполнительная юрисдикция касается полномочий государства обеспечивать и контролировать соблюдение его законодательства. Правомерное осуществление законодательной юрисдикции при принятии какого-либо нормативного акта является предварительным условием надлежащего осуществления судебной или исполнительной юрисдикции в отношении этого акта.

2. Отправной точкой для формирования правового режима экстерриториальности в международном праве стало решение Постоянной палаты международного правосудия по делу о судне «Лотус», принятое в 1927 г., в котором судьи, в частности, пришли к выводу о том, что юрисдикция государства по общему правилу носит территориальный характер.

3. Осуществление юрисдикции за пределами территории государства должно базироваться на основных принципах международного права в их истолковании, данном в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций, от 24 октября 1970 г. Государство не может осуществлять свои полномочия в какой бы то ни было форме вне своей территории в отсутствие соответствующей разрешающей нормы международного или интеграционного права, а на территории другого государства – с согласия этого государства.

4. Осуществление экстерриториальной юрисдикции предполагает придание нормативным актам государства, его документам, действиям или их правообразующим последствиям юридического значения за пределами территории этого государства (включая сушу, внутренние воды, территориальное море, а также примыкающее воздушное пространство), а именно на территории другого государства или вне территориальной юрисдикции государств, в пределах открытого моря и примыкающего к нему воздушного пространства, а также в космическом пространстве.

5. При осуществлении экстерриториальной юрисдикции государства не могут выходить за пределы, которые очерчены для них принципами суверенного равенства государств и сотрудничества, закреплёнными в Уставе ООН, а также должны соотноситься с границами правосубъектности других государств и их правом формировать собственные правовые системы. Эта обязанность предполагает, что экстерриториальность правовых актов и действий не должна вести к вмешательству во внутренние дела других государств, посягать на их самостоятельность и вести к нарушению основных прав и свобод человека.

6. При создании норм об экстерриториальной юрисдикции государствам следует руководствоваться правилом о том, что создаваемые нормы не должны трансформировать существующие особые правовые режимы, установленные действующим международным правом (международное частное право, морское, космическое, международное гуманитарное и налоговое право, правовая помощь и иные соответствующие отрасли права, а также правовой статус расположенных на территории другого государства дипломатических, консульских и торговых представительств, военных баз и иных объектов, положение которых регулируется специальным нормами международного права).

7. Любой нормативный акт априори признаётся имеющим территориальную сферу действия. В случае придания ему экстерриториального характера об этом должно быть прямо указано в самом акте или в корреспондирующих документах, связанных с его принятием или введением в действие. При оценке нормативного акта судом в случае отсутствия специальной оговорки об экстерриториальности следует исходить из того, что акт такого характера не имеет.

8. О «присвоении» юрисдикции, т. е. её неправомерном установлении могут свидетельствовать очевидное посягательство на права и интересы иностранного государства, а также подчинённых ему лиц, отсутствие явно выраженного его согласия или своевременно заявленный протест. Односторонние ограничительные принудительные экономические меры государств, не подпадающие под определение реторсий, как они определены в Проекте статей «Об ответственности государств за международно-противоправные деяния», должны квалифицироваться как неправомерное установление экстерриториальной юрисдикции.

9. Установление экстерриториальной юрисдикции каким-либо государством признаётся другими государствами только в той степени, в какой оно

находится в соответствии с международным и интеграционным правом. Если одно государство осуществляет экстерриториальную юрисдикцию, которую другое государство находит чрезмерной, то другое государство может выступить против осуществления такой юрисдикции способами, предусмотренными как международным (дипломатический протест), так и внутригосударственным правом (ссылка на публичный порядок; непризнание законов, распоряжений, судебных решений; законодательные меры, такие как «блокирующие» акты и «компенсационные положения»; судебные меры, такие как судебные запреты).

В основе разграничения конкурирующих юрисдикций должна находиться территориальность; даже если другое государство обладает совпадающей юрисдикцией, его право на её осуществление ограничивается, если это вступает в конфликт с правами государства, обладающего территориальной юрисдикцией. Разграничение судебной юрисдикции может осуществляться только на основании специальных международных договоров; таким же образом может осуществляться и отказ от юрисдикции (в том числе в соответствии с правилом *forum non convenient*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баратынц Н. Р. Проблемы экстерриториального действия правовых норм и международное частное право / Н. Р. Баратынц // Международное частное право: современные проблемы / отв. ред. М. М. Богуславский. – М. : ТЕИС, 1994. – С. 245–261.
2. Calvo C. Le Droit international théorique et pratique / C. Calvo. – Paris : Guillaumin, 1887. – Т. I. – 605 p.
3. Даневский В. П. Пособие к изучению истории и системы международного права / В. П. Даневский. – М. : Международные отношения, 2021. – 496 с. – (Золотой фонд российской науки международного права; Т. V.).
4. Грабарь В. Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917) / В. Э. Грабарь. – М. : Акад. наук СССР, 1958. – 491 с.
5. Усенко Е. Т. Проблемы экстерриториального действия национального закона / Е. Т. Усенко // Московский журнал международного права. – 1996. – № 2. – С. 13–31.
6. Усенко Е. Т. Очерки теории международного права / Е. Т. Усенко. – М. : Норма, 2011. – 240 с.
7. Давыдов Д. В. Экстерриториальность in cogroge: пространственные пределы действия национального права, юрисдикции и феноменов, на них основанных / Д. В. Давыдов // Международное право. – 2025. – № 3. – С. 49–62.
8. Базедов Ю. Право открытых обществ – частное и государственное регулирование международных отношений / Ю. Базедов ; пер. с нем. Ю.М. Юмашева. – М. : Норма, 2016. – 384 с.
9. Бахин С. В. Экономическая безопасность Российской Федерации и международное частное право / С. В. Бахин // Журнал международного частного права. – 2018. – № 1 (99). – С. 24–53.
10. Kittrie O. F. Lawfare: law as a weapon of war / O. F. Kittrie. – New York : Oxford University Press, 2016. – 481 p.
11. Бахин С. В. «Санкционное право»: постановка проблемы / С. В. Бахин // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 4. – С. 143–152. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).143-152.

12. Боклан Д. С. Односторонние санкции в соответствии с международным правом и эффективность блокирования / Д. С. Боклан, В. В. Коваль // Московский журнал международного права. – 2024. – № 1. – С. 6–23.
13. Stoerk F. Staatsunterthanen und Fremde (Vierzehntes Stück) / F. Stoerk // Handbuch des Völkerrechts auf Grundlage Europäischer Staatspraxis. Zweiter Band / Hrsg. von Dr. Franz von Holtzendorff. – Hamburg : Verlag von J.F. Richter, 1887. – S. 585–672.
14. Holtzendorff F. Das Landgebiet der Staaten (Neuntes Stück) / F. Holtzendorff // Handbuch des Völkerrechts auf Grundlage Europäischer Staatspraxis. Zweiter Band / Hrsg. von Dr. Franz von Holtzendorff. – Hamburg : Verlag von J.F. Richter, 1887. – S. 225–238.
15. Иванов Н. П. Основания частной международной юрисдикции / Н. П. Иванов. – М. : Международные отношения, 2009. – 464 с. – (Золотой фонд науки международного права; Т. II).
16. Словарь международного морского права / отв. ред. Ю. Г. Барсегов. – М. : Международные отношения, 1985. – 256 с.
17. Лукашук И. И. Функционирование международного права / И. И. Лукашук. – М. : Наука, 1992. – 223 с.
18. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть : учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / И. И. Лукашук. – М. : Волтерс Клувер, 2005. – 415 с.
19. Богуславский М. М. Международное частное право : учеб. / М. М. Богуславский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Международные отношения, 1997. – 416 с.

REFERENCES

1. Baratyants N.R. Problems of extraterritorial application of legal norms and international private law, in: Boguslavskii M.M. (ed.). *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: sovremennye problem*, Moscow, TEIS Publ., 1994, pp. 245–261. (In Russ.).
2. Calvo C. *Le Droit international théorique et pratique*. Paris, Guillaumin Publ., 1887. Vol. I. 605 p. (In French).
3. Danevskii V.P. *Handbook on the history and system of international law*, Golden fund of Russian science of international law; Vol. V. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2021. 496 p. (In Russ.).
4. Grabar' V.E. *Material to the history of literature on international law in Russia (1647-1917)*, Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1958. 491 p. (In Russ.).
5. Usenko E.T. Problems of the extraterritorial effect of national law. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, 1996, no. 2, pp. 13–31. (In Russ.).
6. Usenko E.T. *Essays on the theory of international law*. Moscow, Norma Publ., 2011. 240 p. (In Russ.).
7. Davydov D.V. Extraterritoriality in corpore: spatial limits of national law, jurisdiction and phenomena based on them. *Mezhdunarodnoe pravo = International Law*, 2025, no. 3, pp. 49–62. (In Russ.).
8. Bazedov Y. *The law of open societies – private and state regulation of international regulation*, transl. from German by Yu.M. Yumashev. Moscow, Norma Publ., 2016. 384 p. (In Russ.).
9. Bakhin S.V. Economic Security of the Russian Federation and Private International Law. *Zhurnal mezhdunarodnogo chastnogo prava = Journal of international private law*, 2018, no. 1 (99), pp. 24–53. (In Russ.).
10. Kitzler O.F. *Lawfare: law as a weapon of war*. New York, Oxford University Press, 2016. 481 p.
11. Bakhin S.V. Sanctions law: problem statement. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 4, pp. 143–152. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).143-152.
12. Boklan D.S., Koval V.V. Unilateral sanctions under international law and effectiveness of blocking. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, 2024, no. 1, pp. 6–23. (In Russ.).
13. Stoerk F. Staatsunterthanen und Fremde (Vierzehntes Stück), in: Holtzendorff F. (ed.). *Handbuch des Völkerrechts auf Grundlage Europäischer Staatspraxis. Zweiter Band*, Hamburg, von J.F. Richter Publ., 1887, pp. 585–672. (In German).
14. Holtzendorff F. Das Landgebiet der Staaten (Neuntes Stück), in: Holtzendorff F. (ed.). *Handbuch des Völkerrechts auf Grundlage Europäischer Staatspraxis. Zweiter Band*, Hamburg, von J.F. Richter Publ., 1887, pp. 225–238. (In German).
15. Ivanov N.P. *Foundations of private international jurisdiction*, Golden fund of Russian science of international law; Vol. II. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2009. 464 p. (In Russ.).

16. Barsegov Yu.G. (ed.). *Dictionary of international maritime law*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1985. 256 p. (In Russ.).
17. Lukashuk I.I. *The functioning of international law*. Moscow, Nauka Publ., 1992. 223 p. (In Russ.).
18. Lukashuk I.I. *International law. General part*, Textbook for students of the law faculties and higher education institutions. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2005. 415 p. (In Russ.).
19. Boguslavskii M.M. *International private law*, Textbook, 2nd ed. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1997. 416 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бахин Сергей Владимирович – доктор юридических наук, профессор кафедры публичного права Государственный академический университет гуманитарных наук
119049, Россия, г. Москва, Мароновский пер., 26
E-mail: info@gaugn.ru
ORCID: 0000-0002-8879-062X
SPIN-код РИНЦ: 1439-6952

Давыдов Дмитрий Васильевич – аспирант Государственный академический университет гуманитарных наук
119049, Россия, г. Москва, Мароновский пер., 26
E-mail: info@gaugn.ru
ORCID: 0009-0001-9466-2624
SPIN-код РИНЦ: 1961-5641

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Бахин С.В. Экстерриториальная юрисдикция государства: в границах права и за его пределами / С.В. Бахин, Д.В. Давыдов // *Правоприменение*. – 2026. – Т. 10, № 2. – С. 147–156. – DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(2).147-156.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Sergey V. Bakhin – Doctor of Law, Professor, Department of Public Law
State Academic University for the Humanities
26, Maronovskii per., Moscow, 119049, Russia
E-mail: info@gaugn.ru
ORCID: 0000-0002-8879-062X
RSCI SPIN-code: 1439-6952

Dmitry V. Davydov – Postgraduate Student
State Academic University for the Humanities
26, Maronovskii per., Moscow, 119049, Russia
E-mail: info@gaugn.ru
ORCID: 0009-0001-9466-2624
RSCI SPIN-code: 1961-5641

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Bakhin S.V., Davydov D.V. Extraterritorial jurisdiction of the state: within and beyond the boundaries of law. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2026, vol. 10, no. 2, pp. 147–156. DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(2).147-156. (In Russ.).